

Валерий Грузин

Гибель Киева

«Гибель Киева»: Амадей; Киев; 2008
ISBN 98-966-7689-89-6

Аннотация

Остросюжетный роман «Гибель Киева» — роман-ностальгия по старому Киеву, сгусток тоски по исчезающей киевской элите, навсегда утраченной неповторимой атмосфере столицы.

Герои романа становятся невольными свидетелями необратимого процесса утраты духа славного Города, его геокультурной среды, разрушения давних традиций и взаимоотношений горожан.

В этом романе показана драма гибели исторического и культурного наследия Киева, произошедшая на переломе XX и XXI веков. Прежде великий город становится ареной страстей и циничной гонки за золотым тельцом и сиюминутным успехом.

Ранее книга Валерия Грузина «Гибель Киева» уже издавалась в бумажном виде в серии «Мастера современной киевской прозы».

Валерий Грузин

Гибель Киева

От автора

*Устраивайтесь поуютней, любезный читатель.
Нас много чего ждёт*

Предисловие

«Никуда не уезжал, а вернуться некуда» — так думает сегодня каждый настоящий киевлянин, глядя на свой город.

Все, кто помнит старый Киев, испытывают особые страдания, от которых нельзя избавиться.

Когда умирает близкий человек — мы долго плачем, а затем смиряемся. Мы привыкаем к потере и продолжаем жить дальше.

Умирание города это совсем другое... У нас нет шансов смириться, привыкнуть и забыть. Мы вынуждены жить в могиле родного нам существа и каждый день видеть его разложение, вдыхать невыносимый воздух и мучиться в полном

одиночестве. Такую хитрую, страшную пытку мог придумать только редкий садист, знающий в этом толк.

Представленная книга — это сплошной комок переживаний исчезающей киевской элиты. Людей, которых с каждым днём становится всё меньше...

Трудно поверить, что ещё совсем недавно по Крещатику шагали толпы учёных, инженеров, конструкторов, художников, поэтов, писателей, мыслителей, режиссеров, актёров, изобретателей и золотых мастеров. Город космических технологий и передовой науки считался интеллектуальным центром огромной империи. Сюда съезжались отовсюду — «поговорить». Город утопал в садах античного уюта, где хотелось мечтать, молиться и творить.

Эта книга — открытый протест представителя мыслящего класса погибающей культуры. Это новая киевская проза, рождённая в руинах разгромленной цивилизации.

Там, где не нужны физики, астрономы и математики, — обязательно исчезают философы, а затем мельчают художники, опускается всякое творчество, деградирует культурная среда и общество в целом.

Разглядывая сегодня прохожих на Крещатике, нельзя понять, что это за люди, чем они занимаются и зачем они живут. Булгаковский

Шариков снова процветает, а профессор Преображенский опять проиграл.

Всё отразилось в трёх символах на киевских кручах. Лаврская колокольня — символ победившей веры. Статуя с мечом — символ победившей Родины. И недостроенная «вавилонская башня» в Мариинском парке — символ победившего хама.

Автор книги поднимает восстание и зовёт на бунт всех оставшихся в живых... Его разговор — это исторический документ настроений эпохи, где вечная война «духа и брюха» переросла в национальную трагедию.

Роман переполнен жизненным опытом автора. Он содержит в себе множество тонких и важных мелочей, из которых состоят великие смыслы.

Поколение, застрявшее среди двух миров, обладает уникальной мудростью сравнений. Она должна оставаться в назидание потомкам, которым уже не с чем будет сравнивать свою жизнь. Достаточно вспомнить, как дороги нам были писатели с опытом крушений начала двадцатого века!

Рано или поздно всё меняется, и самые вечные города меняют свой облик. Но мы помним улицы, по которым бежали герои Булгакова, и будем долго видеть свой город глазами героев

романа «Гибель Киева».

В те дни, когда слово «Родина» сделалось ругательным, и его уже начали стыдиться, автор выходит к людям с открытой гражданской позицией, чтобы снова спросить нас всех: «С чего начинается Родина?»

В этой оптимистической трагедии нам предлагают надежду и веру в самих себя.

Густав Водичка

*Моим сыновьям Вадиму,
Александру, верному другу Сергею
Буряку и остальным уцелевшим
киевлянам посвящается*

*Аще где в книге сей грубостию
моей пропись или нетерпением
писано, молю вас: не зазрите
моему окаянству, не клените, но
поправьте, писал бо не ангел
Божий, но человек грешен и зело
исполнен неведения.*

**Формула древнерусских
летописцев**

Слежка

Слежку Александр обнаружил с утра. Вели её двое — долговязый и квадратный. У них всё было контрастным: чёрные брюки и белая сорочка с отутюженными стрелками на рукавах у худосочного; чёрная футболка и захватанные белые штаны у коренастого. Один — аккуратно подстрижен и подтянут, другой — наголо обрит и от избытка мышечной массы грузен. Вместе они чудным образом напоминали цифру 10, что дало Александру повод мысленно окрестить первого «единичкой», второго «ноликом».

Их смешанное дыхание в свой затылок Александр ощутил у газетного киоска, а оглянувшись, заметил парочку в нескольких шагах на троллейбусной остановке. Пялились они на него, как провинциальная девица на телезвезду. Все жаждут внимания, но не до такой же степени. Да и никакой такой известности Александр не заслужил, а в последнее время к ней и не стремился. Но так или иначе «хвост» к нему прицепили. Зачем?

Поразмышлять на эту тему он решил попозже, а сейчас следовало удостовериться в обоснованности подозрений. Сделал он это грубо: лавируя в потоке машин, перебежал через улицу вдаль от перехода и перемахнул через

металлическую ограду на противоположной стороне улицы. «Десятка» повторила маневр и застыла за его спиной в ожидании нового подвоха. Рассматривая в стекле витрины отражение неразлучной парочки, Александр отбросил сомнения в своей мнительности. Из очевидности происходящего вытекало: ни домой, ни на работу идти не нужно. Впрочем, как и забредать в уединённые места.

День, как для начала осени, выдался душный. Жара липкой змейкой ползала по шее, опускалась вдоль подбородка, вила гнёзда под мышками. Мужчины отупело поглощали тёплое пиво, а барышни мороженое. Из распахнутых окон доносились вопли попсовых звёзд, и вдруг, о чудо!., как в прежние киевские времена, чётким серебряным звоном рассыпались звуки шопеновской мазурки.

Вот здесь, на коротеньком бульварчике, что в центре Киева, на вбитой в землю лавочке и присел Александр. Рядом расположилась уже начавшая быть немолодой пышная дама. Она обмахивалась сложенной газеткой. Конечно, веером было бы удобнее, да подевались они куда-то. Нет больше вееров, а духота есть, и вытекает из-под мочки её уха крупная капля пота. Но Александр её не видит, поскольку им всецело завладели невесёлые мысли. Они и вами владеют чаще, чем хотелось бы.

Понятное дело — о деньгах мысли.

В жару думается плохо, да и лавочка неудобная. Раньше здесь стояли массивные парковые скамьи с устойчивыми чугунными ножками и удобными для спины деревянными сиденьями. Воспоминания они вызывают приятные, хотя время уже размыло черты возбуждённых лиц, унесло в льдистую мглу имена их обладательниц, и лишь далёким, совсем глухим эхом со дна души отзывается волнение, испытанное от прикосновения к округлым коленкам и прочим женским прелестям. Господи, чего только не случилось в тёплые ночи под густым бархатом киевского неба!

Но скамей теперь нет, а есть примитивная лавочка, сбитая из трёх досточек, и единственное, что их роднит, — унылая зелень масляной краски. Было время, когда здесь росли липы, а улица называлась Бульварно-Кудрявской. Теперь на их месте растут берёзы, вязы и каштаны, а улица стала Воровского.

За чугунной оградой снуют машины. Преимущественно новые. Джипы и кабриолеты, универсалы и спортивные седаны, ослепительные «крайслеры» и серебристые «мерседесы», бургерские «опели» и шикарные «тойоты». Вот и его любимец «ягуар» промчался.

Прямо перед Александром навис небоскрёб.

Новодел. Полированный гранит, красный кирпич. В квартале добрых старых строений он смотрится как помесь казармы и будуара. Говорят, что землю «под полой» продали военные, и вскоре в пахнувшие зарубежной краской апартаменты с грохотом начнут въезжать штабные генералы с раздобревшими генеральшами. Солдатики в камуфляже будут осторожненько таскать оббитые лайковой кожей диваны и длинные пеналы импортных холодильников. У них всё будет новенькое. И не потому, что у генералов зарплата высокая, вовсе нет, низкая у них зарплата, а потому, что услуги генеральские нынче в цене.

Чуть наискосок — покрашенный под цыплёнка особнячок. На него нахлобучили несуразную шапку мансарды, однако испохабить милые глазу пропорции не сумели. Не этот ли домик прикупил легендарный слепой по прозвищу Шпулька? Тот самый прообраз Паниковского, который поджидал доверчивых киевлян на углу Прорезной и Крещатика и при переводе через дорогу облегчал их карманы. Криминальный авторитет. Хорошо платил городовым, но не переплачивал, не кутил на Ямской, вот и прикупил недвижимость.

По бульварчику снуют люди. Разные. Порой на них больно смотреть. Китайский ширпотреб. На коленях и локтях пузыри из искусственной ткани,

строчки кривые, с обрывками ниток. Бережно прячут за пазухой остатки достоинства и плечи опускают от непомерной тяжести жизненных грузов. Старики донашивают советские кирзу и дерюгу. Иногда, правда, вспорхнёт стайка студентов, и пролетит, едва задевая крылом, эфирная волна очарования. Даже грубые от природы девичьи лица скрашиваются светом надежд. Ах, молодость, молодость! Ты уже сама по себе богатство.

«Хвост» пару раз прогулялся туда-сюда и, не обнаружив подходящей лавочки, топча траву с собачьими какашками, отошёл к чугунной ограде. Позицию парочка заняла правильную — в нескольких метрах за спиной Александра: в случае чего, догонят.

В конце аллеики возникает фигурка. Стройненькая. Головку несёт прямо, носик гордо вздёрнут. Вся, как струночка. Цок-цок-цок. И всматриваться не надо — на ней всё к месту и всё на месте. Соблазнительную женщину узнаёшь со спины. Цок-цок. Поразительно, даже бёдрами не водит и задом не виляет. И откуда такое чудо? Ведь Киев — это вам не Одесса. Хотя и здесь попадаются умопомрачительные смеси. Но редко. Очень редко. В основном — вчерашние крестьянки. Исключительно с роковым взглядом.

Цок-цок. Когда она поравнялась с лавочкой,

Александр жгуче ощутил худосочность своего портмоне. И надо же, туфельку ставит на землю с носочка, будто из балетной школы вылетела. Впрочем, взгляда он удостоился. Так периферийным зрением отмечают необычный предмет в ряду обычных, скажем, покрашенный столбик среди неокрашенных. Взгляд этот Александра почему-то задел.

Ну что тут сказать? Видать, печать на его облике лежала. Нет, не багровый водяной знак, который и виден разве что против света, а мокрая, с жирными разводами фиолетовая печать на чистом листе стопроцентной белизны. Чего уж? С ног был сбит и никак не получалось подняться, так что и от помощи, наверное, отказываться не стал, хотя от природы был непомерно горд. Подсесть к нему кому-то такому, и призрел бы он вещий совет, и рискнул бы заговорить с незнакомцем. Но никто не подсел. Может, к лучшему. И не потому что трамвайные рельсы с улицы Воровского уже несколько лет как разобрали, а их следы закатали асфальтом и Аннушке негде было разлить постное масло.

Цок-цок-цок. Звук оборвался в конце аллейки. На том месте, где трамвай делал круг, где была остановка идущей на вокзал «двочки». Конечная. Там трамвай дико скрипел тормозами и, вспарывая своей рогатой дугой небесный мешок,

щедро осыпал асфальт снопом электрических искр. Сколько лет минуло, как сняли трамвай?

Александр прикрыл глаза, пытаясь связать тесёмки разных времён. Не связывались. Не получалось. И тут, в самое таинственное время киевских суток, когда в комнате уже темно, а за окном сине, когда дню уже не на что надеяться, и он, цепляясь последним коготком, как кот, ухватившийся за свисающую со стола чёрную бархатную скатерть, скользит и падает и уходит туда, откуда ещё никто не возвращался, вот в этот самый миг из клубящейся вечерней мглы выполз весёлый голубенький трамвайчик. С ажурными подножками и открытыми тамбурами, что довольно странно, ибо на втором и пятнадцатом маршрутах ходили длинные и тяжёлые чешские «татры» с комбинированной по диагонали покраской: верх — жёлтый, низ — красный. Скрип тормозов не прозвучал, а вот из-под рогатой дуги на тротуар щедро высыпался сноп электрических искр. Самая крупная из них, чуток не долетев до земли, круто изменив свой путь, поплыла по бульварчику. На неприличной высоте (ну вы знаете, какой). В направлении её движения для Александра не было тайны.

Вот так оно всё и началось...

Первая встреча с Цок-Цок

Желание сделаться богатым Александра посетило ещё до того, как искра оставила свой след. Не будем пускаться в рассуждения о том, почему одни добиваются богатства, а другие — нет. Дабы в этом убедиться, достаточно выглянуть в окно. Александр и выглядывать не нужно — богатеи окружали его самым бесстыдным образом. И ни в одном из них не находил он качеств, каковыми не обладал сам. Они не владели преимуществом. Скорее он уступал им. В чём? Да в главном...

Невесёлые думы прервало урчание мобильного.

— «Фуко» отменяется, — сообщил знакомый голос. — Там полный завал... При встрече расскажу. Но ты не расслабляйся: слазь с унитаза и цепляй свой «кис-кис»¹. Бар «У капуцинов» знаешь? Нет? На Красноармейской, рядом с костёлом, по той же стороне. Жду через час.

День рождения друга — святое. Так что, пора! Переодеться, взять подарок, вызвать такси. Времени достаточно. Хотя, стоп! Приводить к дому «хвост» никак нельзя. Нужно что-то

¹ Бабочка (воровской жаргон).

придумать.

Александр решительно поднялся, и пока он на ходу обдумывает, каким образом отвязаться от кинувшейся вдогонку «десятке», у нас есть время сообщить о нём некоторые сведения.

Будучи подростком, Александр увлёкся бегом и к аттестату зрелости присовокупил диплом чемпиона города среди школьников в беге на 800 метров. Времена тогда были так себе, советские, но спортивная доблесть в них почиталась. При поступлении в университет на экзамены вместе с Александром ходил человек со спортивной кафедры, поясняя преподавателям, насколько вуз заинтересован в таком студенте.

Доверие Александр отработывал добросовестно, добывая медали обществу «Буревестник». Всё меньше и меньше секунд уходило на то, чтобы пробежать стадионный круг. Всё чаще и чаще ощущал он ласковое скольжение финишной ленточки на своей груди. Всё лучше и дороже одетые дяди проявляли к нему интерес. Дошло до того, что его начали кормить овсом с мёдом и орехами, отправляли то к штангистам за наращиванием силы, то к гимнастам за улучшением координации движений. Гимнасты, точнее гимнастки, ему нравились больше, хотя у них, почему-то, был слишком узенький таз.

Даже таксисты считают длинным маршрут от Республиканского стадиона до Ленинградской площади и обратно, а для Александра — рядовая зимняя тренировка. В синей лыжной шапочке, в чёрных рейтузах, поверх которых красовались короткие белые трусики с двумя продольными синими полосками на бёдрах, бежал он по осевой, едва забросив назад голову, высоко поднимая и прижимая к телу локотки, легко выбрасывая вперёд коленки, так, чтобы ногу на асфальт ставить с носочка, а уж затем на пяточку, чтобы движение ноги напоминало движение колеса, хорошо смазанного, безупречного в лёгкости своего вращения.

Изумлённые взгляды из окон трамваев, что курсировали по мосту Патона, подтверждали чувство превосходства над окружающими, ибо они кутали свои носы в меховые воротники и ни за что в жизни не смогли бы бежать так, как он, даже если бы очень захотели.

Нет, это не было одиночество бегуна на длинные дистанции! Он прислушивался к своим ощущениям и они ему нравились: сердце билось ровно, лёгкие радостно насыщались кислородом, в икроножных мышцах не иссякала упругая мощь и мороз никак не мог к нему подобраться. Да, он был божественным созданием, которому подвластно не только тело.

Правда, телом всё и кончилось. Ибо сказано: когда вещи доходят до крайней точки, они непременно возвращаются обратно.

Именно в тот момент, когда результаты Александра всех очаровывали, когда кто-то впервые громко произнёс: «олимпийский уровень», когда бег стал более привычным состоянием организма, чем ходьба, когда бег превратился в радость, когда ему предписали ежедневные тренировки по четыре часа кряду и потребовали подчинить все интересы, желания и мысли одному — битве за то, чтобы преодолевать пространство на сотую долю секунды быстрее всех, именно в этот момент, Бог весть откуда возникла некая Валя. С чуть приплюснутыми лицом, попой и мозгами. В качестве компенсации природа выделила ей непомерно развитую грушевидную грудь.

Она обладала качеством, противостоять которому мальчишке девятнадцати лет никак невозможно — она была взрослой. И аксессуары у неё были тоже взрослые — дитё и муж. Впрочем, его Александр так и не увидел по той причине, что он вечно пребывал в длительных командировках. А вот с дитём общаться приходилось регулярно, потому что в самый для этого неподходящий, а значит и волнующий, момент приходилось заводить оказавшуюся единственной в доме игрушку — бьющего в барабан механического

зайца. Завода хватало минуты на три и, пока был родной ключик, сия процедура не очень-то препятствовала основному делу. Но всё в этом мире когда-нибудь да ломается. Пришлось заводить зайца плоскогубцами, да и ресурс завода почему-то уменьшился на целую минуту, так что начали возникать осложнения.

Вот так под барабанную дробь механического зайца завершилась спортивная карьера Александра. Позже было подводное плавание и довольно серьёзное увлечение карате. Но об этом в другой раз, поскольку, выбежав из аллеики, Александр проследовал мимо погорелого здания педагогического колледжа, спустился по лестнице к «Дому семи повешенных»² и, проскочив мимо знаменитой книжной раскладки, устремился к Дому торговли. Перед светофором у перехода скопилась группка прохожих. Александр огляделся и обнаружил, что стоит рядом с Цок-Цок.

Он никогда ранее не видел её лица, да и не нужно было его видеть. Он распознал бы её в любой толпе. Уж, поверьте, бывает. И такие случаи не упускают. Александр наклонился к её ушку, а

² Так киевляне называют Дом художника, по фронтону которого нелепо расположены скульптуры семи муз.

оно у неё было маленьким, аккуратненьким, с миниатюрной мочкой и, конечно же, плотно прижатым к головке. Съесть бы такое ушко.

— У меня к вам неслыханное предложение. Выслушайте спокойно, — Александр понимал, что говорить нужно кратко, убедительно и главное — уверенно и не спеша. И такое, чего она никогда не слышала.

Как известно, женщины любят ушами. Поэтому больших успехов добивается голос, подшитый бархатом. Это очень важно. Но главное даже не в этом. Глаза первые вступают в любовную схватку.

Любая женщина, независимо от ситуации, при первой встрече с любым мужчиной, неосознанно для неё самой, рассматривает его в качестве потенциального сексуального партнёра. Секунд пятнадцать. Памятуя об этом, Александр сконцентрировался в стремлении излучать дружелюбие и спокойную силу целых пятнадцать секунд.

Цок-Цок не смутилась и не возмутилась. В чём он и не сомневался, ибо распознал в ней киевлянку, предки которой до третьего колена никогда не жили не то что в пригороде, на Куренёвке.

— Для начала перейдём улицу. — В её взгляде вспыхнула искорка интереса.

Александр взял её под локоток, что тоже не вызвало у неё удивления. Парочка чётко последовала их курсом, сократив дистанцию до нескольких метров. Скосив глаз, он отметил, что «Нолик» тяжело дышит, и на всякий случай отложил в памяти: эге, парень! В случае чего, тебе за мной не угнаться.

Они отошли к аптеке, что на углу Смирнова-Ласточкина и Артёма. Её витрины выложили на тротуар огромные квадраты света. На балкончике второго этажа какая-то турфирма в стремлении привлечь внимание клиентов к карибским круизам развесила карнавальные гирлянды из электрических лампочек.

Чтобы рассмотреть морщинки, света хватало. Но морщинок не было. Её кожа была гладкой, как и прямо зачёсанные назад и собранные аккуратным узелком на макушке волосы. Такие причёски издавна носили балерины, потом гимнастки и пловчихи синхронного плавания. Она медленно подняла чёрные глаза и тихо спросила:

— И что же заставило вас поступить подобным образом?

Александр было не до эмпиреев. Требовалась сбивающая с ног фраза. И он её выдал:

— Предлагаю вам сыграть роль. Вы справитесь.

— И что же это за роль? Вы что, режиссёр?

— В некотором роде. То есть да. Сейчас да. А роль, вы только не взрывайтесь... это роль подарка.

— Подарка кому?

— Мужчине. Весьма достойному.

— И вы уверены, что меня это заинтересует?

— Надеюсь и верю. Увлекательный вечер в изысканном обществе, и никаких обязательств. Слово киевлянина: вам будет хорошо. Я по вашей походке понял, что вы — человек без ингибиций и мещанских манер.

Её тонкая, очаровательной дугой уходящая высоко к виску левая бровка поползла ещё выше.

— А вы не переоцениваете свою уверенность?

— Откровенно говоря, когда смотришь в ваши глаза, она вообще улетучивается, — он искренне улыбнулся. — Хотите правду? Я обожаю изречение: *Найкраща брехня — це правда*.

Но не слова решили дело. Что слова? Дым и утренний туман. Дыхание бизона на морозном ветру. Радуга в грозовом небе. Мерный прибой и дрожащее мерцание лунной дорожки. Нет, не слова. Александр был знаком с той силой, которая решает. Она возникала в мгновения перелома. Она приходила на финишной прямой, когда впереди маячили мощные спины соперников, а в лёгких не

оставалось и клочка воздуха; когда перед множеством глаз предстояло пробить ударом голой руки толстую доску и надлежало вынуть из сознания осколок сомнений; когда ломал представления гаишника о том, что с выпившего водителя можно содрать всё, что у него есть в кошельке; когда скручивал навеки заржавевшую гайку, выбивал кулаком из бутылки навеки засевшую в горлышке пробку, брал займы большие деньги и последний рубеж защиты у сопротивляющейся с фанатичным упорством женщины.

Что это за сила Александр не знал, как и то, где она живёт и как называется. Небесный дух «шень»? Усмешка дьявола? Шелест ангельских крыл? Она приходила, когда хотела, и не приходила, когда не хотела. Сколько не зови. А вот пришла. И укрепила сердце.

Оставалось избавиться от слезки. Судя по тому, что наружное наблюдение для неуклюжей парочки не было основной профессией, особой сложности это не представило.

Он увлék за собой Цок-Цок в Дом торговли, где толпы посетителей вынудили «десятку» подтянуться к ним вплотную. Купив на четвёртом этаже плоскую флягу и бутылку виски, Александр рывком увлék Цок-Цок к грузовому лифту и, не

обращая внимания на протесты персонала, нажал кнопку первого этажа.

Расчёт оказался точным: пока парочка, потея и расталкивая поднимающихся по лестнице граждан, скатывалась вниз, они с Цок-Цок уселись в такси и укатили, оставив «хвост» на том месте, где ему и полагалось быть.

«У капуцинов» оказалось уютно. В хорошо обустроенных подвалах порой возникает ощущение особой защищённости. Дескать, опасности задержались где-то там, наверху. Интерьер дышал простотой средневековья. Белые, отштукатуренные стены, пролегающий через весь потолок массивный, покрытый чёрной мастикой деревянный брус. Столы и стулья дубовые, грубоватые, неподъёмные. Монашеский аскетизм и пивное веселье. Оно и понятно, в Европе до сих пор самое лучшее пиво варят в монастырях.

Компания собралась разношёрстная: сотрудники посольств, депутаты, бизнесмены и прочие нужные люди. Изысканные тосты чередовались с грубоватыми притчами, тонкими шутками и сальными подначками. Народ раскраснелся, подобрел, расковался.

За столом восседало немало холёных, дорого причёсанных и дорого одетых женщин, с пальцев и ушей которых временами срывался дьявольски синий пламень, излучённый крупным

бриллиантом. Да только мужчины украдкой посматривали не на них. Сидевшую рядом с Александром Цок-Цок эти взгляды не смущали. Чёрная в обтяжку юбочка, чёрный в обтяжку свитерок.

Говорят, женщины одеваются вовсе не для мужчин, а для того, чтобы поражать друг друга. И ещё говорят: наряд — предисловие к женщине, а иногда и вся книга. Похоже, на сей раз они состязались в том, насколько ловко им удавалось скрывать талию, ведь большинству уже стукнуло за сорок. Можно лишь предполагать, как глубоко задевала их наглость Цок-Цок, осмелившейся открывать постороннему взору линию перехода от верхней части тела к бёдрам.

О ногах же речи и быть не могло. Ровненькие, длинные, с плавной линией у икриц и над коленками, узенькой щиколоткой, маленькими ступнями в лодочке на высоченной шпильке. Считается, что высокие каблуки придуманы женщиной, которую целовали исключительно в лоб. Но мы-то знаем, что будоражащий шик исходит только от женщин, носящих высокий каблук.

В общем, это было состязание без шансов. Ну скажите, о каких шансах могла идти речь, если талию Цок-Цок можно было обхватить полукружьями, образованными большими и

указательными пальцами, и, представьте себе, пальцы рук на обеих кистях могли сомкнуться. Прямо, Людмила Гурченко времён «Карнавальской ночи».

Александр ощутил наметившуюся линию противостояния — все женщины против Цок-Цок, и поспешил к ней на помощь. Он высыпал на стол россыпь анекдотов вперемешку с возбуждающими шутками, попутно одарив комплиментами достоинства присутствующих. Женщины подтаяли, вложив сабли в ножны, но руки с эфеса не убрали.

Цок-Цок жест оценила. Ещё тогда, когда её догнал Александр и посмел обратиться к ней на улице, она подметила, что этот невысокий, наутюженный, светловолосый человек незауряден. И его имя ему идёт. Что-то в нём было такое, чего в других нет. Другое дело: захочет ли она в этом разбираться. Ведь не её он герой. Не её. Она знала это твёрдо. С первого его слова. Но ему повезло: так карта легла, что подвернулся вовремя. Настроение было препаскудное, и маленькое приключение оказалось кстати.

Конечно, у Цок-Цок было имя. Довольно редкое — Снежана. Мужчины любили называть её Снежок, или Снежка.

Давно известно, что имя для человека — метка судьбы. Особенно для женщины. Светланы,

например, почти поголовно податливы, бесформенны, как пластилин. Может, тем и милы. Ирины — оголённый нерв. Галины — брюнетки. Марии — вечная война. А вот Снежаны...

Что самое трудное? — спрашивали эллины. И отвечали: познать себя. Цок-Цок себя знала и не знала. Вчера она рассталась с мужчиной, который её любил. С ним было хорошо, как бывает хорошо только с теми, кто тебя любит. Но женат был, стервец. И хотел уйти от жены, да не решался. Целый год не решался. Тогда, не ожидая этого от себя, решила она.

Женатого мужчину видно по походке, по тому, как он стоит и что говорит. У женатого может быть тысяча преимуществ, но все они меркнут перед одним-единственным достоинством неженатого — свободой мужчины. У женщин на это особый нюх. Безошибочный. И он говорил: Александр чист. И пусть он не её герой, но всё же...

Но всё же она приехала сюда в роли подарка. Понятно — имениннику. А он был действительно хорош: высок, строен, красив, остроумен, смел и нагл. С быстрой реакцией. Правда, немного староват. А у мужчин перед увяданием, как правило, крыша едет — они стремятся наверстать упущенное за прежние годы. Он явно опытен и времени терять не привык.

Когда Александр её представил: «Вот тебе подарок. Извини, что не перевязан ленточкой», именинник мгновенно сблизил дистанцию: «Красивая. Но почему попа маленькая?» Да, в нём был спрятан магнит. У неё даже подлая мыслишка проскочила: «Переспать с ним? Пожалуй. Но только без фамильярности». Жаль, что подпил не в меру. А глаза у него красивые, то серые, то голубые. Помни: Шопенгауэр предупреждал: бойся людей со светлыми глазами.

Именинник подсел к Александру и что-то увлечённо ему рассказывал. Вначале она наблюдала за ним, отключив звук. Чего там, любовалась его профилем. Редкий, очень редкий как для Киева нос: ровенький, римский, породистый, с легко намеченной горбинкой. Губы чуть тонковаты, но это не портит картинку, потому что нервное лицо, опять же, большая редкость. По облику и темпераменту — чистый итальянец. Она включила слух. И недаром. История оказалась близка её нынешним заботам.

— Ты представляешь, наш «Фуко» разбомбили! — положив одну руку на плечо Александра, именинник другой рукой ловко подцепил вилкой маринованный грибочек. — К хозяевам явилось двое ментов, майоры. Донецкие, конечно. Ты же знаешь, их сейчас тьма в среднем звене руководства. В налоговой, в милиции, на

таможне. Там, где быстрые деньги. Так вот, говорят, что им приглянулось кафе. Мол, продайте. Но ты же знаешь, как оно им досталось, сколько они туда вложили. Да нет, говорят хозяева, не можем. Это — наша душа, а душу не продают. Ну, смотрите, — говорят менты. И ушли. Через пару дней вваливается банда горилл и громит всё на мелкие щепки. Даже кухню и плиту. Снова заявляются менты. Ну что? — спрашивают: Надумали? Хозяева, естественно, отвечают: Мы всё поняли, продаём. Сколько? — спрашивают менты. Сто тысяч, — отвечают. И в ответ слышат: Не-а, теперь двадцать. Так что, нет больше нашего «Фуко». Теперь будем встречаться у монахов. Вот так! — рассказчик налил рюмку водки, выпил её залпом и смачно заел грибочком. Как восклицательный знак поставил. Он, видимо, всё в жизни делал с аппетитом.

Снежана снова выключила звук. Донецкие и её достали. Неважно, сколько их в Киев понаехало, двадцать или сорок тысяч, и все с деньгами, и все наглые, и у всех крыша. Важно то, что её дом хотят продать донецким вместе с жильцами, и теперь ей грозит переезд на выселки. Смена соседства с оперным театром — на соседство с песочными муравьями на Харьковском массиве. Она знала, нужно что-то предпринимать, искать выход. Ну не ломать же себе жизнь и выходить из-за этого

замуж за богатея?! Впереди определённо чёрная полоса.

Поднявшееся было настроение снова под-упало. Она ещё раз взглянула на ребят. Симпатичные, приятные. Но сейчас это не её тема.

Все видели, как Снежана зашла в женскую комнату, а то, как она оттуда вышла, не видел никто.

Под злорадные усмешки оставшихся дам друзья искали её повсюду. Именинник даже осмотрел женский туалет. Он было опечалился, а потом вознамерился отправиться к всегда ждущей его женщине. И ключ от машины у него пытались отобрать, и увещевали, и услуги шофёра предлагали — тщетно. Таков он был, и все это знали.

Началось

По дороге домой Александр ел себя поедом, хотя по астрологическому знаку отношения к скорпионам не имел. Вязать его надо было, ключи силой отнимать, колесо, в конце концов, спустить. Да мало ли вариантов остановить друга в шаге от беды? Но по непонятным ему самому причинам Александр этого не сделал. А почему, понять не мог. То ли унижать его перед этими индюками не захотел, то ли верил, что его друг не из таких

выбирался передрыг, то ли сам находился в состоянии подпития, то ли бегство Цок-Цок его подкосило.

Въезд во двор закрывался шлагбаумом. Александр поленился открывать и закрывать замок и отпустил такси. Он вошёл в длинный узкий проход и по старой каратистской привычке, которая незаметно стала рефлексом, завернул за угол дома на достаточном от него расстоянии, чтобы не получить внезапный удар из возможной засады.

Нащупывая в кармане ключи от квартиры, он направился было к двери своего подъезда и в этот момент увидел, как от стены отклеились две фигуры. Он даже не пытался их рассмотреть, что при тусклом свете лампочки, прикреплённой стараниями бдительного пенсионера под карнизом четвёртого этажа, было бессмысленно и не нужно.

Как это всегда случалось с Александром в минуты опасности, сознание заработало чётко. Бежать? Нет. Нельзя показывать, что боишься. Память услужливо подбросила латинскую максимум: «Тому, кто взял в руки оружие, не подобает искать помощи у безоружных ног». Да и куда бежать, если ты у своего дома? Нападать первым? Пожалуй. Нужно вырубить одного из них наверняка, а потом возиться с другим. Лучше лидера. Главное убедиться, что у них в руках, дабы

не получить нож в почки по самую рукоятку. Кто из них способен на такое? Конечно, «Нолик». Значит, его валить первым. Закон каратэ гласит: если не знаешь, что делать, делай шаг вперёд. И в этот миг...

Тех, кто сомневается в существовании ангелов-хранителей, надо выселять из Киева в Хацапетовку или Енакиево, лишать в жару права на холодное пиво, а в морозы заставляя ходить в кроссовках без носков. Есть ангелы-хранители. Есть! И в подтверждение тому в окне на втором этаже, прямо над головами парочки зажёгся свет, а затем на балконе возник мужик с сигаретой. «Десятка», подняв головы, замерла.

Воспользовавшись их замешательством, Александр подошёл к двери и, набрав код, открыл. А вот закрыть не удалось — в проёме двери торчала чья-то нога. Вступать в переговоры было некогда. Конечно, это была крайняя мера, но выбора в средствах ему не оставили.

Каратэ учит: уклоняйся от боя сколько можешь; если можешь, беги; беги быстро как можешь; но если догнали — убей. И Александр подчинился закону: каблуком он ударил сверху по стопе «Нолика». Там много мелких косточек. Благо в туфлях венгерской фирмы Adilyia основа каблука сделана из дерева.

Хрясь! И маленькие косточки переломались

одна за другой. А это больно. Об этом, собственно, возвестил миру рёв «Нолика». Даже не рёв, а извержение ужаса.

В квартире Александр свет не включил: ещё неизвестно, «вели» ли его к дому, или адрес им известен. Так что номер квартиры раскрывать ни к чему. Всё же шанс. Он наощупь нашарил в баре бутылку Чивас ригал, которую берёт для особых случаев, налил в стакан виски по звуку, где-то пальца на два, и по-варварски, несмотря на то, что это sipping whisky, опрокинул божественную влагу в горло.

Отпустило. Хорошо, он пока отбился, а как там друг? Он набрал по мобилке его номер, благо циферблат был с подсветкой, и услышал хоть и пьяный, но бодрый голос:

— Да я в порядке! Ну влетел. В яму. На Ботанической. И подвернул колесо. Короче, разбил машину. Значит, заслужил. Нет, приезжать не надо. Уже едут. Я Бурке позвонил. У него спецы, охрана. Всё! До скорого!

Александр услышал, как у шлагбаума резко затормозила машина. Не отодвигая занавески, рассмотрел очертания крутого джипа и троих квадратных личностей, несущих на руках «Нолика». Тот изрыгал проклятия, которые отчётливо разносились в ночи, достигая ушей закутавшихся в одеяла соседей. М-да... среди них

попадались и перлы в виде обещаний засунуть ноги обидчика в его же задницу. Александр попытался представить себе сюжет такого маневра: поскольку с пластичностью у него всегда были проблемы, придётся ломать колени.

Похоже, подумалось Александру, появился клиент, кровно заинтересованный в его здоровье, и жильцов его дома об этом внятно проинформировали.

Из сна Александр вываливался с трудом. Там попадались сплошь приятные люди с безмянными лицами. Протирая глаза, он как бы стирал ощущение нежности, исходившей от игривой белокурой женщины. Дотянулся до магнитофона — он давно обзавёлся привычкой начинать день с любимой мелодии. Потягиваясь, добрёл до кухни, разогрел сковороду, высыпал на неё остатки «арабики». Взбрызнул подсоленной водой. Зёрна, потрескивая, источали возбуждающий аромат.

Смакуя чёрную маслянистую жидкость, Александр рассматривал в зеркальце своё лицо. Оно ему не понравилось. А напрасно. Первая мысль — это впрыск энергии, положительной либо негативной.

Он любил сбивать на лету заносчивых девиц каверзным вопросом: «А какое у вас самое первое

движение, когда вы просыпаетесь?» Они, естественно, несли всякую чушь, а он их добивал: «Э, нет! Первым движением нужно похлопать себя по макушке. Зачем? А чтобы убедиться — на месте ли золотая корона».

Выбривая щёки «золингенom» (военный трофей отца), время от времени бросал взгляд в окно, где напротив возводились стены очередной высотки. Там копошились рабочие. Они истошно орали крановщику «майнай!», для убедительности приправляя команды смачными матюгами.

Высотка нагло наваливалась на его четырёхэтажку, заграбастав себе всё утреннее солнце. Поговаривали, что новодел сооружали на донецкие деньги. Недавно приезжал «хозяин», и всемогущий начальник ЖЕКа, словно играющий в прятки школьник, непонятно каким образом умудряясь складывать пополам свой огромный живот, пригибался за дверцами машин, воровато выглядывая через стёкла.

Порывы ветра несли со стройки клубы пыли. Прежде Александр держал окна открытыми, теперь же их закупоривал. Ранее на склоне холма росли клёны, вязы, осины и даже дубы. Когда их спилили, в поисках нового крова и пищи через двор побежали стаи белок.

Название холму дал некогда полноводный ручей Кудрявец, резво несущийся на свидание с

речкой Глыбочица. О том, какая это была река, говорит её название. А вдоль ручья уютно располагались раскидистые рощицы, в одуряющей дарующие киевлянам хладную тень. Нынче на их месте асфальт, кирпич и бетон, СТО, пакгаузы, ангары, бензозаправки, пыль, палящее солнце, потоки машин, бессмысленная городская суэта и уродливая речь.

Вот и Киев догнали. Похоже, догоняют и его. Вчерашние угрозы только обозначили присутствие некоей силы, мрачно нависшей над ним грозовой тучей. И не то чтобы он запаниковал. Вовсе нет. Но, как говорится, если ничего не хочешь бояться, опасайся всего.

Нежность, царившая во сне, растаяла, щёки выбриты, кофе допит. Пора ввинчиваться в жизнь. Но он всё тянул, возился, прикидывал. Александр частенько сравнивал себя с тяжёлым бомбардировщиком: для взлёта ему нужен длинный разбег. Так и в спорте было. Взрывной спринт — не его. Ему бы потерпеть на дистанции, себя помучить, обрести второе дыхание, и вот тогда — держитесь, соперники.

Дело его ждало непростое и опасное. Попробуй-ка незамеченным расклеить фотографии в подъезде, у входа которого неусыпно бдит цепной пёс. Дом небольшой, людей там бывает мало, а сторожу платят, наверняка, хорошо. Затем

эту же операцию следовало повторить на службе клиента. А там мент на входе и паспорт нужно показать.

Оделся Александр неброско, под служивого среднего звена. Его любимый писатель Сомерсет Моэм поучал: хорошо одетый человек — это тот, на чью одежду вы не обращаете внимания. Среднегородские брюки, рубашка без затей, туфли, хоть и начищенные до блеска, да видно, что поношенные (до стоптанных каблуков он, правда, не опускался), а вот галстук — активно красного цвета. Его задача — отвлекать внимание от лица. Люди привыкли обращать внимание на самую яркую деталь одежды. Как правило, её и запоминают. Поэтому, если желаешь остаться незамеченным, сбрось в нужный момент яркое пятно.

Он разложил на столе десять фотографий с жирной надписью фломастером — «Не пойман, но вор!», густо намазал их тыльную сторону клеем (перебрал немерено, пока не нашёл клей достаточной вязкости), затем накрыл сверху квадратами вощёной бумаги. Получились само-клейки. Достаточно одним движением сдёрнуть вощёнку, и припечатывай к любой поверхности. Аккуратно переложив фото листами устава какого-то предприятия, поместил их в чёрную кожаную папку с лейблом Boss.

Выйдя на улицу, Александр ощутил лёгкое беспокойство: знаете ли, не каждый вечер приходится пробиваться с боями к двери собственного подъезда. Пришлось проверяться, не прицепили ли снова «хвост»?

Лучше маршрутки для этой цели ничего нет, ведь её можно остановить по требованию в любом месте. Александр так и поступил. Вышел в самом подлом месте — посередине Большой Житомирской. В это время и так неширокая улица плотно забита автомобилями.

Лавируя среди машин, перебежал улицу и остановил маршрутку, идущую в обратном направлении. Из-под мышки поднятой руки наблюдал за тем, как из серебристого джипа выскочил человек, рванул следом за ним и таки успел. Не беда, что успел, главное, что раскрылся.

Теперь, пока джип не развернулся, предстояло оторваться. Александр пристроился рядом с водителем и, заметив в боковом зеркале свободное такси, попросил остановиться. «Хвост» последовал за ним, но, увидев как исчезает Александр, открыл рот. А что ему ещё оставалось? Однако расслабляться не следовало.

На спуске к Подолу Александр вышел у «донецкой» стройки. Преодолев рывком холм, оказался у здания бывшей военной типографии и

проходняком выскочил на Артёма. Если его кто и пас на машине, *отут йому й смерть* .

Нырнув под землю на «Лукияновской», он, проехав две станции, выскочил из поезда на третьей, пересёк зал и отправился в обратном направлении. Маневр повторял трижды. Бережёного Бог бережёт, а не бережёного — конвой.

Выйдя на поверхность на «Крещатике», поднялся по Прорезной и уселся на лавочку в скверике рядом с бронзовым Паниковским. Какой-то охотник за цветными металлами спёр у знаменитого слепого тросточку, но такова была сила искусства, что она мысленно дорисовывалась. Александр отметил: всё закольцовывается, и новое присутствие Паниковского, конечно, тоже не случайность.

Приведя в порядок дыхание, надел яркий галстук и прокрутил в сознании порядок проведения операции. Задача вроде бы не отличалась сложностью — никому не попасться на глаза. Но, как известно, бутерброд падает маслом вниз, а просчитать, кому из жильцов и в какую минуту приспичит выйти из квартиры, не под силу и гениальному математику. Оставалось полагаться на чуткость слуха и мгновенную изобретательность.

С недавних пор Александр старался

придерживаться правила древних германцев, гласившего, что без слабых союзников свободнее руки одинокого. Однако без союзников не получалось, и Александру пришлось входить в партнёрские отношения с мальчишкой из соседнего подъезда.

Мальчонка представился кличкой на блатной манер, что в центре большая редкость. Вчерашние управделами, завхозы, разворотливые полуграмотные мужики, сбившиеся в стаю в центральном ядре города, норовили отдавать своих детишек в элитные колледжи и с помощью гувернанток прививать им манеры.

Ну Косявый так Косявый. Важно, что он шустрый и сообразительный. Разузнал всё, что требовалось: и как зовут консьержку, и номер её телефона, и код на дверях.

Итак, первая фаза операции — выманить консьержку из её гнезда таким образом, чтобы она ничего не заподозрила и впоследствии об этом не вспоминала. К такому развитию событий Александр подготовился заранее, отпечатав стандартные объявления об отключении воды.

Косявый не опоздал. Он приближался вразвалочку в длинных, доходящих до середины икриц шортах, в футболке без рукавов и надписью Don't, touch, увенчанный бесформенной панамой. Фирма. Издали видно, что его одёжка даже не

лежала рядом с турецким или китайским ширпотребом.

— Привет, начальник! — мальчонка пытался заявить, что он за равные отношения. — Ну что? Идём на дело? Учти, беру баксами.

— Ну, здравствуй. — Александр не стал подхватывать тон мальчонки. — Вот тебе боевое задание: развесить объявления вместе с Анной Ивановной. Надо людей предупредить, что воды не будет. Это из «Водоканала». За каждое получишь бакс.

— Мне до фени откуда ты. Сколько баксов?

— Десять.

— Жир.

Александр позвонил консьержке:

— Анна Ивановна, мы знаем: вы человек ответственный, — добавив бюрократического хамства в голос, вместо приветствия изрёк Александр. — Коммунальные службы поручают вам предупредить жильцов об отключении воды в связи с ремонтом труб. Кроме вас, некому. Сейчас посыльный поднесёт объявления.

Консьержка когда-то работала в райкоме партии и явно скучала за ушедшей значимостью. Боже, как же это скучно весь день сторожить пустоту. Здравуются далеко не все, а заговаривают разве что неработающие женщины. Ну как тут не воспрянуть духом?

Александр юркнул в подъезд незамеченным. Первым делом, забравшись на четвёртый этаж, прилепил фотографию на дверях квартиры клиента, затем на соседских по всем этажам. Коронное место этой доски почёта оказалось у почтовых ящиков.

Операция заняла семь с половиной минут, и ни одна живая душа на его пути не возникла. Тем не менее, перед выходом на улицу он сорвал с шеи красный галстук и сунул его в папку.

Вечером конекский будет взирать на свою физиономию с жирной надписью «Не пойман, но вор!» Будь он трижды наглец, наплевать на собственную репутацию — выше его сил. Да и не родился ещё человек, которому безразлично мнение окружающих. Нет человека, настолько презирающего молву, чтобы не дрогнуть перед ней душой. Нет такого человека, который бы до последнего вздоха не сражался за любовь к себе. Дрогнет, наверняка дрогнет.

Второй этап операции «Устрашение» предстояло провести в налоговой. ЧК, ГПУ, НКВД, СМЕРШ, МГБ, КГБ. Многие из налоговиков видели себя продолжением списка. Внушать страх и ужас — чем не мотив для убогого службиста? Ведь издавна нет для нашего человека более высокого блага, нежели ощущение власти над другими. Повесь бляху дворнику на грудь, и он

сразу преобразится в начальника. И пока в ЖЕКах и прочих заведениях будут восседать на своих толстых жопах тётки, которые не выдают справки, а соизволяют оказывать великую милость просителям, не жить нам в Европе. Впрочем, нам в ней и так не жить.

Александр наблюдал за входом в этот муравейник издали. В основном туда-сюда сновали бухгалтерши, по одеждам которых легко читалось финансовое состояние их фирм. Он знал, что ровно в час пополудни всех посетителей удалят, и в этом табуне будет легко затеряться. Проникать туда лучше минут за двадцать до обеденного перерыва.

Дождавшись появления очередной группы, Александр затесался в её серединку и, мельком показав паспорт, дескать, спешу, надо успеть, юркнул вовнутрь. Побродив коридорами, обнаружил, что к любой двери прилипла улитка очереди. Везде, абсолютно везде околачивались люди, так что приклеить на стену фото начальника этого заведения мог только классный фокусник. Единственным местом уединения оставались разве что туалетные кабинки, дверцы которых он и украсил начальственным ликом с жирной надписью наискосок «Не пойман, но вор!».

Скинув красный галстук и замешавшись в толпе изгоняемых на обеденный час посетителей, Александр покинул помещение детского садика,

приспособленного под грозную службу.

Он зашёл в кафе и заказал кофе с коньяком. За ближайшим столиком восседала миловидная мордатенькая особа лет двадцати. В шифоновом платье в мелкий цветочек с преувеличенным по смелости декольте. Оно и понятно: коровья грудь, очевидно, была её главной ударной мощью. «Наверняка при ходьбе косолапит», — подумал он. Но всё же испросил разрешения присесть. В ответ барышня хмыкнула и достала мобильник, дескать, востребована. «Понаехало, — подумал Александр. Если не из деревни, то из Николаева».

Впрочем, мысли Александра блуждали вдали от этой провинциальной охотницы. Он решал задачу: когда лучше звонить клиенту? Сегодня вечером, когда тот будет пребывать во власти свежих впечатлений, или позже?

Что за первый вариант? Он ещё не успеет всё обдумать, ни с кем не успеет посоветоваться, а значит, будет эмоционально нестабилен. Что против? Он может быть охвачен яростью и в пылу своей донецкой непосредственности может послать его подальше в надежде найти и обезвредить.

Позвонить завтра утром? Лучше даже разбудить. Что «за»? Во-первых, он наверняка будет плохо спать и сниться ему должны кошмары. Во-вторых, решимость придёт к нему не раньше, чем он выпьет кофе. В-третьих, способность

спокойно рассуждать к нему вернётся через часок-другой. Так что действовать будет на инстинктах. Что «против»? Всё же у него будет время, и он может ещё с вечера посоветоваться с кем-то толковым и проснуться с принятым решением. Такой возможности давать ему нельзя.

Звонить надо сегодня. И цену повысить. Пусть уразумеет: любая оттяжка влечёт за собой большую потерю денег.

Если и на этот раз не сработает, придётся приступить к третьему этапу — «Устрашение». Выполнить его будет легче: разослать по почте конверты с теми же фото коллегам по работе и в школу, где учатся его дети. Придётся поколесить, чтобы не бросать в один почтовый ящик. Вот только спешить не следует. Лучше подержать его в страхе. Не беда страшна, а ожидание её прихода. Пусть помучится. Да и цену надо поднять.

За этими хлопотами саднящее чувство от бегства Цок-Цок несколько притупилось, но не ушло. Как кончик тупой иглы, неведомо каким образом засевшей в сердце.

Вот-вот, и наоборот

В надежде вновь встретить Цок-Цок Александр оказался на той же скамеечке и в то же, что и вчера, время. Дневная суета угасала, мышцы

расслаблялись, лица разглаживались. Покой опускался на город в обнимку с вечерней прохладой. Разогретые камни отдавали добытое днём тепло.

Откуда Александру было знать, что всего за пару минут до его появления на бульварчике тут пронесла свою прямую спинку настоящая Цок-Цок, а ещё через пару минут после его ухода она пронесёт её в обратном направлении и оба раза окинет пустую скамеечку сожалеющим взглядом. Впрочем, что-то в эфире удержалось, и это что-то ввергло Александра в грустную задумчивость.

Вроде всё шло по плану, и безоблачное небо сияло чистотой, однако где-то там далеко зародилось облачко тревоги. Александр пытался представить себе душевное состояние клиента. Внешне он производил впечатление стабильного человека, у которого в жизни всё действует по его раскладу и на всё навешены ценники. Например, цена вот этого интеллигента без связей, без хватки, без перспектив, а с одними знаниями и принципами — сто долларов, а вот того начальника райотдела милиции — сто тысяч. Без затей. И, надо же, такой сбой!

Нарисовался клиент по собственной инициативе. К Александру обратилась за помощью старая знакомая, по имени Полина, славная

женщина, с вечно извиняющимся не известно за что лицом. К ней среди бела дня явился донецкий и без всяких предисловий о погоде и нынешней дороговизне предложил продать квартиру. Огромную, на третьем этаже всем известного дома на Крещатике, в том самом, где некогда размещался книжный магазин «Дружба», в котором в брежневские времена продавали книги из стран соцлагеря.

Нынешним пленникам интернета не понять той радости, которую испытывали киевские интеллигенты, добывшие там что-то польское о культуре Франции. А как иначе было прознать, что пишут, думают и рисуют в Европе? Разве что по нещадно заглушённым радиоголосам да через коммунистическую *L'Humanite*. Посему среди продвинутых киевлян той поры почти не попадались люди, не умеющие читать по-польски. Иначе, считай, что над тобой захлопнулась крышка гроба.

Квартира ей перешла от мужа, собственного корреспондента московской центральной газеты. Местная власть таких представителей столицы империи побаивалась, ибо не имела над ними контроля, и всячески ублажала, вот и выдала жилье центрее некуда. Со временем муж поменял покорную Полину на строптивную секретаршу.

Постепенно квартира ветшала, но своего

величия не теряла. Александр забредал туда пару раз и неизменно поражался непомерной огромности коридоров, чуланов и кухни.

Представитель города, прославленного миллионом роз и ста тысячами выброшенных в подъездах шприцов, уже прикупил соседнюю квартиру. Надо полагать, для его библиотеки она оказалась слишком мала, а может, и белый «Стейнвей» требовал большего пространства для лучшей акустики (знаете ли, звучание концертного рояля в комнате и зале разнится), и ему ничего другого не оставалось, как расширить свои владения за счёт соседки.

Женщина, с вечно извиняющимся не известно за что лицом, отказывать не умела. Да если бы и попыталась, вряд ли у неё это вышло. Уж таков он, дар убеждения по-донецки. И тут она вспомнила об Александре.

На предстоящую схватку Александр отправился со знакомым юристом. Всё было по-киевски: белая скатерть, душистый чай в расписанных кобальтом тонких фаянсовых чашках с золотыми ободками, абрикосовое варенье в розетках и неспешная беседа о похищенной у Паниковского тросточке.

И тут явился, именно не вошёл, а явился, Он. Стремительный и решительный. В изящную полоску костюм из холодной шерсти, штиблеты из

крокодиловой кожи, галстук ручной работы, сорочка из тонкого голландского полотна, стрижка, зубы — всё дорогое.

Он не сел, не присел, не шлёпнулся, а водрузился на стул, предварительно отодвинув его чуть ли не в центр гостиной. Поставил на пол спортивную сумку. Закинул ногу за ногу, и вместе с обнажившейся между носком и манжетой брюк полоской голого тела наружу вылез уровень его вкуса — галстук был синий, а носки коричневыми. Он обвёл присутствующих цепким чёрным взглядом, задерживаясь на мужчинах, будто прищипливая каждому ценник.

— Я так понимаю: вы — в курсе. Тогда поехали.

Полина ещё не дала согласия на продажу, но согласие его и не интересовало. Юрист повёл было речь о процедуре оформления сделки, о том, кто возьмёт на себя бремя расходов и прочей казуистике. Как известно, донецкие порожняк не гонят, и Решительный (а он, кстати, и не представился) прервал эту бодягу:

— Понял. Значит так, — и он стремительно расстегнул молнию на сумке, — здесь двести пятьдесят штук зелёных. Это на всё. Я так понимаю: ты — юрист. Вот и подмажь кого надо. Будут волокитить — звони, — он вытащил из нагрудного карманчика сорочки визитку, на

которой значилось: Эльвира Сидоровна и номер телефона. — Это моя жена. Оформлять на неё и связь через неё. Понятно?

Он поднялся, поставил сумку на стул, вытащил оттуда десять пачек зелёных денег, бросил на стол и стремительно застегнул молнию:

— Это задаток. И на расходы. Остальное — в обмен на документы. Через десять дней.

У такого всё схвачено, за всё заплачено. На земле крепко стоит: не боится таскать с собой четверть миллиона баксов (видать, сэкономил на обедах в заводской столовой). А тут какие-то киевские путаются под ногами. Ничего, скоро они будут ездить в центр на экскурсии.

Александр не промолвил и слова и на прощание руки не подал. Хватких мужиков без роду-без племени, мгновенно переходящих на «ты» и попутно обшаривающих твои карманы, не любил сроду. А этот был роскошным воплощением ненавистного типажа. Ничего, за пропуск в Киев он заплатит. И за ту дозу заразы, которую принесёт с собой в эту квартиру, в этот дом, на Крещатик, в сам Киев. Аминь!

Как известно, прозрения не приходят по расписанию. Сколько ни зови. Впрочем, любовь тоже. Они являются тогда, когда человек утрачивает возможность пребывать в системе обычных координат. В Донецке много жителей,

больше миллиона, но, вполне очевидно, что ни одному из них ни разу не пришло в голову заменить первую букву в названии своего города, чтобы прозреть его нынешнюю суть. А киевлянину пришло. Конецк он для киевлянина, несмотря на наличие в Донецке весьма достаточного количества приличных граждан, которых там явное большинство, и это явное большинство имеет все основания не менять первую букву в названии своего города. Но вот активное меньшинство, которому уже тесно в Донецке, потому как там они под себя уже всё подмяли и потянулись за новой добычей в Киев, Александр отныне будет называть «конецкими».

Вот так, падая на хорошо и давно подготовленную почву, и возникла сама идея.

Мимо скамеечки сновали недобитые киевляне, милые девушки из пригородов демонстрировали киевским юношам аппетитную приманку в виде открытых полосок тела на голых пузиках, да те не очень-то клевали, а пятидесятилетние мужики клевали, но больше думали о пиве.

И вдруг... О чудо! В конце бульварчика раздался желанный звук. Александр восторженно вскрикнул, ведь единственная настоящая радость — это начало. Он ринулся навстречу. Но на этот раз судьба не собиралась посылать ему милую улыбку:

она зевала, почёсывая ноготком безымянного пальца за ушком.

К своему дому Александр подходил осторожно и совсем с другой стороны, нежели в прошлый раз. Оттуда, где некогда находился сиротский приют, а теперь размещалась какая-то городская техническая служба. Маленький ухоженный дворик нависал над его домом, образуя верхнюю террасу, откуда открывался великолепный обзор подъезда.

Притаившись за стволом могучего вяза, Александр оставался незамеченным для двух парней. Оба — старые знакомцы: сегодняшний утренний преследователь и вчерашняя «единичка». Поскольку вход в его двор был возможен с двух сторон, они разделили обязанности.

Придётся завести собаку, подумал Александр, ретируясь из своего укрытия на соседнюю улицу.

Сон в ту ночь к нему пришёл престранный. Гулял он у едва знакомой женщины и не первую ночь. Квартира у неё была большая, довоенная. Когда в дверь постучали, он нежился в постели. Вышел в гостиную голый, но в носках. Женщина хлопотала, накрывала на стол, за которым, положив ногу за ногу и не касаясь спинки стула, восседал офицер вермахта. Аккуратненький такой. Спину держал прямо. И глаза льдистые.

Затем что-то произошло, что именно не

помнил: провал какой-то. Но дальше — чётко и ярко. И в цвете (Господи, цветные сны видят только шизофреники!). Он, оказавшись уже в мундире офицера рейха, одевает шинель. Из серого тяжёлого сукна. И она ему впору, ну как на него пошита хорошим портным. Тютелька в тютельку. Блестящие серебряные пуговицы в два ряда, чёрный бархатный воротник.

Подпоясавшись широким ремнём из хорошо гнущейся глазурованной кожи и приладив портупею, он ощутил себя стройным, подтянутым, поджарым, настолько ладно всё сидело на нём. Передвинул кобуру с люгером поближе к сверкающей никелем пряжке с надписью «С нами Бог», полез в карман и обнаружил в нём свисток. Вытащил. Новенький, массивный, коричневый, из тяжёлой пластмассы со светлыми прожилками. Надо же, предусмотрели даже это. Дескать, в случае опасности, оказавшись в тёмном опасном месте, можно призвать патруль.

А дальше начало происходить и вовсе немыслимое. Откуда-то возникло два льва, вернее львицы. И такие они родные и близкие, так ластились к нему, так не отходили ни на шаг. Стоило выйти на балкон, и они туда же, на кухню, то же самое.

Чуть поодаль держался чёрный дог. Он как бы присматривал за тем, чтобы всюду и во всём

было так как надо, особенно за тем, чтобы львицы не шалили и не своевольничали. Странно, но они ему беспрекословно повиновались.

Всей этой компанией они вышли на улицу, и народ начал вжиматься в стены домов. А он, не обращая ни на что и ни на кого никакого внимания, подошёл к вездеходу — два колеса спереди и гусеницы сзади. Ключи зажигания оказались в кармане шинели. Львицы грациозно запрыгнули в кузов через борт, за ними — дог. Александр уселся в кабину и аккуратно тронулся с места.

Вездеход легко преодолел ступени и остановился перед парадным входом в мэрию. Из кузова изящно и синхронно, как в парных упражнениях на батуте, выпрыгнули обе львицы, за ними дог. Милиционер, выбежавший было на лязгающий звук гусениц, увидев это шествие, с невероятной ловкостью вскарабкался по стальной мачте на самый верх и завернулся в *жовто-блакитний прапор*.

Не спеша, они вошли в здание, поднялись по мраморной лестнице и оказались в огромнейшем кабинете. Сидевший там человек приподнялся из кресла, оббитого синей лайковой кожей, и что-то забулькал. Львица, что справа, в невероятном по красоте прыжке пролетела по воздуху метров тридцать и, не приземляясь, опрокинула лапой массивный стол. Развернулась и вкрадчиво

вернулась, принявшись тереться ухом о бедро Александра.

Человечек выглядывал из-под перевернувшегося кресла и его и так от природы выпученные глаза вылезли из орбит, как у рака-отшельника. Александр не спеша подошёл к нему, и у того от страха прорезалась речь. И хотя офицер ничего не спрашивал, тот быстро-быстро, будто боялся не успеть, затараторил: «А что вы хотите? Зарплаты на галстуки не хватает. Все берут. Абсолютно все. И повыше меня. А Сенной не я продал. Не я взорвал. Не подписал. То, что принесли, отдам. Ей-ей. Сейчас отдам».

И тут возник дог и взял его за горло. Равнодушно...

Проснулся Александр с мощным ощущением своей силы. Его переполняла спокойная уверенность в безупречной безопасности. Он прикрыл веки, пытаясь вернуться в сон, но тот уже распался и, бешено вращаясь, унёсся по спирали к центру чёрной дыры...

Александр вознамерился позвонить знакомой прорицательнице, но что-то его остановило. В своё время он глубоко интересовался природой сновидений и начитался всякого. Однако сейчас память услужливо подсовывала лишь сентенцию святого Тихона Задонского: «Не должно верить